

- Шаров О.В.* 2006: Золотая Маска из Керчи // Древний мир. 1, 74–76.
- Reinach S.* 1892: Antiquités du Bosphore Cimmérien. P.
- Rostovceff M.I.* 1923: Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain // Monuments et Mémoires de la Fondation Eugène Piot. 26, 99–163.
- Sharov O.* 2003: Die Gräber des sarmatischen Hochadels am Bospor // C. von Carnap-Bornheim (ed.). Kontakt-Konflikt-Kooperation. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Marburg, 35–64.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O.* 2006: Des Goths aux Huns: le nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxf.

П. Бургундер,
научный сотрудник Института археологии и антиковедения (IASA),
университет Лозанны*

* За перевод с французского языка благодарю Д. Бибикову.

© 2011 г.

Greek History and Epigraphy. Essays in Honour of P.J. Rhodes / Ed. by L. Mitchell and L. Rubinstein. Swansea: The Classical Press of Wales, 2009. XXVIII, 301 p.

В рецензируемом издании опубликованы материалы Международной конференции «Эпиграфическая традиция» (The Epigraphic Habit), которая проходила в начале апреля 2005 г. на о-ве Родос (Греция). Конференция, организованная университетом г. Эксетер (Великобритания) и Британской Академией наук и проведенная под руководством Л. Митчелл и Л. Рубинштейн, была посвящена 65-летию известного британского антиковеда, профессора Даремского университета Питера Родса. Участниками конференции были авторитетные ученые из Великобритании, Германии, Греции, Дании, Ирландии, США и России. Помимо представленных на конференции докладов, о которых пойдет речь ниже, в этом издании приводится наиболее полный на данный момент список публикаций П. Родса (с. 275–282).

В центре внимания участников конференции, как показывает ее тема, – греческая эпиграфика, но не только она. Ряд докладов был посвящен древнегреческой истории. Открывает сборник исследование Л. Митчелл (Великобритания) «Правила игры: три очерка о дружбе, равенстве и политике» (с. 1–32). Понятие «дружба», считает автор, неразрывно связано с понятием «равенство», которое внутренне присуще полисной идеологии. Идеология равенства, свойственная полису, воздействовала и на дружеские отношения. Несмотря на то что представления о равенстве в дружбе имеют глубокие идейные корни, разные люди в разные эпохи вкладывали в них различное содержание. Анализ материала, относящегося к концу V–IV в. до н.э., приводит автора к выводу о том, что дружеская терминология маскировала политическое неравенство и особенно отношения патроната. Реально существовавшее неравенство в этом случае попросту обходилось молчанием. Господствовавшая идеология заставляла мыслителей IV в. до н.э. одними и теми же словами выражать различные политические идеи. В эллинистический период эгалитарное по своей природе понятие «дружба» позволяло маскировать существовавшее неравенство сторон и в межгосударственных контактах. Дружественной фразеологией маскировались иерархические по своей сути отношения между полисами и царскими дворами. Полисы пытались таким образом компенсировать существующее неравенство, вовлекая царские дворы в гражданские правоотношения. Последнее в некоторой степени усиливало их позиции во взаимоотношениях с монархиями.

Исследование германского антиковеда Б. Дрейера посвящено эллинистической эпохе и, в частности, истории Пергамского царства II в. до н.э. («Полисная элита и администрация Атталидского царства после Апамейского мира – свидетельства, исследования, методологические замечания», с. 33–46). В центре внимания исследователя Метрополис – небольшой малоазийский полис, политическое положение которого рассматривается в сравнении с другими полисами – Эфесом, Колофоном. Говоря о полисной элите, автор обращается к анализу политической карьеры наиболее значимых граждан Метрополиса до и после 133 г. до н.э. Он пытается проследить основные вехи в карьере некоего

Аполлония – одного из наиболее влиятельных граждан полиса. В итоге автор приходит к выводу, что политический успех во многом зависел от умения представителей элиты устанавливать дружеские связи с эллинистическими монархами, а затем с членами римского сената. При жизни Аттала III Аполлонию, по-видимому, это удавалось. Его имя упоминается в надписях, которые наделяли его почетными правами. Однако после смерти монарха (133 г. до н.э.) политическая элита Метрополиса – Аполлоний и его сторонники – не смогла установить тесные дружеские связи с римским сенатом. Поэтому неудивительно, что уже в 129 г. до н.э., после принятия нового закона о провинциях, полис утратил статус свободного города.

В работе известного британского ученого Д. Уайтхеда «*Andragathia и arete*» (с. 47–58) исследуются ценностные понятия, отразившиеся в греческой эпитафике. Любопытно, что вынесенные в названия понятия чаще всего используются в паре. Этими понятиями (включая производные от них) определяются отношения между полисами и теми, кто оказывал им те или иные благодеяния. Использование в надписях IV в. до н.э. *arete* – термина, более свойственного аристократическому этосу, – является, с одной стороны, отражением происходящих перемен, свидетельствует об отходе от агрессивно эгалитарной (по словам автора) терминологии. Но, с другой стороны, данная терминология в это время уже утрачивает свою идеологическую и концептуальную окраску, выполняя сугубо стилистические функции, делающие эпитафическую конструкцию более выразительной.

В статье «Увенчание Амфиарая» (с. 59–86) А. Скафуро (США) анализируются афинские посвященные надписи. Речь в них идет об Оропе – небольшом полисе, расположенном на восточном побережье Греции. Он приобрел известность благодаря святилищу Амфиарая, интерес к которому проявляли афиняне. Усиление внимания к нему обнаруживается после того как в середине 30-х годов IV в. до н.э. Александр Македонский передал Ороп афинянам. А в 332/331 г. по инициативе известного афинского антиквара и аттидографа Фанодема народное собрание приняло решение увенчать Амфиарая золотым венком стоимостью в тысячу драхм (I. Огор. 296). Золотой венок, говорится в надписи, посвящается богу во здравие и в защиту народа афинского, его жен и детей и всех живущих на его земле. Перед этим подобной почести был удостоен сам Фанодем (IG. II². 223A). Постановление об увенчании Амфиарая, полагает А. Скафуро, во многом повторяет декреты, в которых подобные почести оказываются смертным и, в частности, иностранным гражданам. Эта символическая мера подчеркивала установление связей между Афинами и Оропом. Следовательно, она может рассматриваться в большей мере как политический акт, а не образец культовой практики.

С анализа декрета, отмечающего заслуги упомянутого выше Фанодема (IG. II². 223A), начинается свою работу другой американский исследователь Дж. Сикинджер, в центре внимания которого – афинская эпитафическая практика («Ничего общего с демократией: “раскрывающие формулы” и афинская эпитафическая практика», с. 87–102). Согласно упомянутому постановлению, Фанодем увенчивается золотым венком стоимостью в тысячу драхм. Кроме того, в декрете содержатся рекомендации подготовить соответствующую надпись и установить ее на Акрополе. Особенностью этого документа является уведомление о том, что таким образом *буле* и народ отмечают заслуги тех, кто действует во благо Афин. Подобного рода уведомления, отмечает автор, в которых объявляются цели публикации, – «раскрывающие формулы» (*Formulae of Disclosure*) по терминологии Ч. Хедрика, – встречаются и в других надписях, что нередко связывается с демократической формой правления. Ч. Хедрик насчитывает 14 вариантов «раскрывающих формул», в которых, по его мнению, прежде всего провозглашаются политические цели подобных надписей. Другими словами, названные формулы определяются Ч. Хедриком как неотъемлемая составляющая процесса принятия решений. Однако Дж. Сикинджер подвергает сомнению наличие подобной связи. «Цель этой статьи, – отмечает автор, – состоит не в том, чтобы отрицать какую бы то ни было связь афинской эпитафической практики с демократией и демократической идеологией. Афиняне, разумеется, установили немало надписей, руководствуясь желанием проинформировать граждан о состоянии государственных дел и поведении государственных деятелей, особенно в том, что касается использования общественных денег. Однако в “раскрывающих формулах” подобные мотивы не обнаруживаются» (с. 97–98).

Известный британский антиковед Р. Осборн в статье «Политика и эпитафическая практика: на примере острова Фасоса» (с. 103–114) интерес к эпитафическим памятникам этого острова объясняет несколькими причинами. Во-первых, тем, что Фасос сравнительно хорошо изучен археологами. Во-вторых, это был достаточно крупный и богатый остров, оказывавший ощутимое влияние на ход исторических событий. Первые эпитафические памятники появляются здесь довольно рано, а к V в. до н.э. их количество существенно возрастает. При этом эпитафическая практика Фасоса во многих отношениях отличается от афинской. В частности, надписи раннего периода стали результатом развития торговых связей. Они имели своей целью проинформировать *xenoi* о некоторых правилах, принятых на острове. Р. Осборн задается вопросом: почему раннее законодательство Фасоса значительно меньше интереса проявляет к тому, как магистраты исполняют свои обязанности, и значи-

тельно больше, чем в Афинах или в других местах, заинтересовано в регулировании поведения? Что касается конституционного устройства Фасоса, о нем мы ничего не знаем вплоть до 412 г. до н.э. При этом в надписях, имеющих отношение к виноделию или содержанию улиц, отсутствует преамбула, в которой бы указывался санкционирующий их орган, магистрат или лицо, внесшее данное предложение. В этом отношении надписи Фасоса, замечает Р. Осборн, более напоминают священные законы. Объяснением, по его мнению, может служить слово *xenos*, которым (помимо самих жителей острова) были адресованы эти законы. Иначе говоря, Фасос регулировал те стороны жизни острова, которыми он был обращен к внешнему миру.

Британская исследовательница Л. Рубинштейн посвятила свою статью ателии (*atelia*) – освобождению от уплаты налогов («Предоставление ателии и ее применение в классический и раннеэллинистический периоды», с. 115–144). В литературе эта мера чаще всего рассматривается как привилегия, которой (нередко вместе с предоставлением проксении) отмечались оказанные полису услуги. Наряду с этой формой ателии можно выделить иной ее вид, призванный создать привлекательную налоговую ситуацию в полисе. Однако иногда предоставляемые привилегии и, в частности, освобождение от налогов приводили к конфликту между получателями подобных привилегий, с одной стороны, и сборщиками налогов (*telonai*) – с другой. Дело в том, что сборщики налогов должны были вносить в казну установленные суммы (*katabolai*). Если этого не происходило, *telonai* объявлялись должниками и подвергались атимии. Исследовательница задается вопросом о том, представляли ли подобные конфликты проблему для самих полисов. Ответ на этот вопрос, полагает она, зависит от того, было ли предоставление ателии символическим актом или преследовало определенные экономические цели. К сожалению, на сегодняшний день материалы, которыми располагают исследователи, не позволяют дать точный ответ на все эти вопросы.

Известный датский антиковед М. Хансен посвятил свой раздел анализу налогового закона, предложенного афинянином Агиррием в 374/373 г. до н.э. («Заметки о законе Агиррия 374/373 г. до н.э. относительно сбора зернового налога», с. 145–154). Текст этого закона, впервые опубликованного Р. Страудом, а затем переизданного П. Родсом и Р. Осборном в «Греческих исторических надписях 404–323 гг. до н.э.» (Rhodes–Osborne 26), оставляет немало вопросов неразрешенными. М. Хансен, в частности, считает, что закон касается не сбора налога (*dodekate*), а транспортировки зерна из афинских клерухий, расположенных на островах Лемнос, Имброс и Скирос, в Афины. Приведя полностью текст закона, он замечает, что ни в одной его части не говорится о процедуре сбора налога. Речь в нем скорее идет о транспортировке, хранении и продаже зерна. Иначе говоря, он устанавливает порядок действий после завершения сбора налога. По мнению автора, закон, которым подобный налог был введен, не сохранился. Возможно, этот несохранившийся закон следует датировать 387/386 г. до н.э. – временем, когда клерухии были выведены на острова. Многие комментаторы этого закона обнаруживают в его тексте намеки на предшествующий налоговый закон, которым, правда, устанавливались не натуральные, а денежные сборы. В этом случае законом Агиррия денежные сборы заменились натуральными. Однако М. Хансен высказывает сомнения на этот счет, полагая, что сборы изначально были зерновыми.

В материале британского исследователя К. Таплина анализируется известное письмо Дария I ионийскому сатрапу Гадату, в котором персидский царь упрекает своего сатрапа за непочтительное отношение к святилищу Аполлона («Письмо Гадату», с. 155–184). Аутентичность текста письма, сохранившегося на стеле римского времени, вызывала и вызывает жаркие споры среди исследователей. К. Таплин, рассмотрев аргументы скептиков, не считает их убедительными. Он допускает (хотя и не утверждает), что «письмо» было позднейшей подделкой. Обратившись к анализу исторической ситуации, автор выясняет возможные причины появления этого документа в том виде, каком он дошел до нас. Если текст «письма» был аутентичным, его публикация во II в. н.э. служила конкретным политическим целям. Возможно, таким образом малоазийские греческие общины утверждали свою идентичность, апеллируя к историческому прошлому.

Греческая исследовательница А. Макрес вводит в научный оборот новый документ – надпись из небольшого мессенского городка Азина («Неопубликованный список эфеев из Бенакионского музея г. Каламата», с. 185–200). Помимо списка эфеев, в этой надписи, датированной автором 127 г. до н.э., упоминаются должностные лица – гимнасиарх и жрец (эпоним) святилища Аполлона Малеата. Геродот и Павсаний называют жителей Азина дриопами, пришедшими из Центральной Греции в Арголиду и вытесненными оттуда аргивянами. В эллинистический период этот полис входил в Ахейский союз, а в эпоху Августа пережил определенный подъем. Особый интерес, по мнению исследовательницы, представляет упоминание Аполлона Малеата, поскольку его культ не характерен для Мессении, хотя с глубокой древности был распространен в других частях Пелопоннеса. Исследовательница полагает, что культ Аполлона Малеата, имеющий додорийские корни, заменил некогда существовавший здесь культ Аполлона Пифийского. Автор полагает, что в восстановлении

древнего культа просматривается стремление азинцев апеллировать к своим корням и, в частности, подчеркнуть свою принадлежность к племени дрипов.

Объектом анализа греческого ученого А. Маттеу стали аттические публичные надписи V в. до н.э. («Ионийский алфавит в аттических публичных надписях V в. до н.э.», с. 201–212). Автора интересует использование в них ионийского алфавита. Как известно, в официальных документах он стал широко использоваться в 420–410-х годах до н.э., а затем был официально принят декретом Архина 403/2 годов до н.э., однако спорадически использовался и в документах предшествующего периода. При этом считается, что заимствование ионийского алфавита началось с города, а затем распространилось на остальную Аттику. Однако на основании анализа афинских и аттических надписей А. Маттеу приходит к выводу, что ионийский алфавит, использование которого связано с изменениями в произношении гласных и согласных звуков, раньше стал использоваться не в городе, а в сельской местности.

Новую интерпретацию надписи, считающейся текстом так называемого Всеобщего мира (*koine eirene*) Филиппа II 337 г. до н.э. (IG. II². 236 = Rhodes–Osborne 76), предлагает американский антиковед И. Уортингтон («IG II² 236 и Всеобщий мир Филиппа II 337 г. до н.э.», с. 213–224). В настоящее время исследователи располагают только одним экземпляром этой надписи, две плохо сохранившиеся части которой найдены в различных частях Аттики. В первой ее части содержится клятва на верность Филиппу II, а во второй, сохранившейся значительно хуже, идет перечисление полисов и племен, по-видимому, давших эту клятву. Анализируя надпись, автор ставит резонный вопрос: почему сохранился только один экземпляр этого договора, коль скоро Всеобщий мир касался значительной части греческих полисов? На основании текстологического и исторического анализа надписи И. Уортингтон приходит к выводу, что перед нами текст мирного договора Филиппа II с Афинами. Автор полагает, что этот договор, которым заканчивались вторая афино-македонская война и гегемония Афин во Втором Морском союзе, мог быть заключен еще до подписания Всеобщего мира. Что касается второй части надписи, оставляющей немало неразрешенных вопросов, ее также сложно связать с Всеобщим миром 337 г. до н.э.

Российский исследователь В.Р. Гушин анализирует исторические условия, вызвавшие к жизни закон об остракизме, а также делает попытку статистического анализа дошедших до нас острака («Афинский остракизм и острака: несколько исторических и статистических наблюдений», с. 225–250). Как известно, принятие закона об остракизме связывается с именем Клизфена, однако его первое применение относится лишь к 487 г. до н.э. На этом основании некоторые исследователи не склонны считать Клизфена инициатором принятия данного закона. Однако В.Р. Гушин рассматривает закон об остракизме в контексте клизфеновских реформ и высказывает предположение, что лишь к началу 80-х годов V в. до н.э. складываются необходимые условия для его применения. Проводя статистический анализ, автор анализирует региональное распределение претендентов на изгнание и сравнивает его с региональным распределением афинских должностных лиц (стратегов, членов Совета Пятисот). Поскольку последние могут быть связаны с аристократическими кругами и даже названы афинским «политическим классом», указанное сравнение позволяет выяснить социальный контекст проводившихся остракофорий. Любопытно, что полученные результаты не позволяют считать остракизм орудием демократического контроля над аристократией (политическим классом). Среди претендентов на изгнание встречается немалое количество малоизвестных персонажей, которые едва ли могут быть связаны с афинской элитой.

Британский антиковед С. Хорнблауэр в статье «Фукидид и афинская *boule* (Совет Пятисот)» (с. 251–264) рассматривает особенности описания Фукидидом некоторых исторических событий и, в частности, принятия афинянами важных политических решений. Исследователь обратил внимание на то, что в целом ряде случаев историком не упоминается Совет Пятисот, игравший важную роль в выработке решений народного собрания. Это особенно бросается в глаза в книгах VI и VII – так называемых «Сицилийских книгах», в которых рассказывается об организованной афинянами экспедиции на Сицилию. Подобная манера изложения, считает автор, должна была создавать у читателей впечатление, что решение отправить афинскую эскадру на Сицилию было импульсивным и неподготовленным. Таким способом Фукидид мог выражать негативное отношение к радикальной демократии в Афинах.

Завершают этот том размышления известного исследователя Дж. Дэвиса о перспективных направлениях изучения эпиграфических источников и антиковедения в целом (с. 265–274). Правда, этот материал почему-то имеет два названия, что, пожалуй, следует отнести к редакторской недоработке. В оглавлении статья Дж. Дэвиса названа иначе, чем в тексте, – «Написание греческой истории. Повестка для следующего поколения». Именно так назывался доклад, прочитанный автором на конференции. В тексте же статья названа «От Родоса и дальше». В этом материале Дж. Дэвис указывает на необходимость обновления отдельных томов «Inscriptiones Graecae» и, в частности, томов V, VII

и XIV. Он ставит вопрос о необходимости издания эпиграфических материалов, относящихся к различным эпохам и регионам. Назрела необходимость, считает исследователь, комментированных изданий «Греческой истории» Ксенофонта, труда Страбона и речей Демосфена. Кроме того, есть смысл выпустить топографические словари отдельных регионов Греции – подобно двухтомнику Дж. Травлоса, посвященного Афинам и Аттике. Впрочем, намечать перспективы развития науки, отмечает Дж. Дэвис, дело сложное. Кто бы еще поколение назад мог предсказать тот интерес, который возник сегодня к проблемам рецепции, этнической идентичности и т.п.? Столь же непредсказуемый эффект имеют подчас работы исследователей, открывающих новые направления в науке. К числу таковых Дж. Дэвис отнес хорошо известную монографию Э. Снодграсса «Архаическая Греция: эпоха эксперимента». Возможно, не меньшее влияние на развитие науки окажет предпринимаемое в настоящее время издание словаря греческих личных имен.

В.Р. Гуцин,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории Пермского государственного
педагогического университета

© 2011 г.

G.A. LEHMANN. Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie. München: Beck, 2008. 367 S.

Немецкий историк античности Густав Адольф Леманн в 2008 г. выпустил в свет биографию Перикла – «Перикл: государственный деятель и стратег в классических Афинах». Книга написана в получающем ныне все более широкое распространение (впрочем, по большей части все-таки в англоязычной литературе) жанре, отчасти монографическом, отчасти популярном. Авторы, работающие в рамках этого жанра, пытаются добиться одновременно двух вещей: с одной стороны, стремятся, чтобы книга имела научную ценность, с другой – хотят сделать ее доступной как можно более широкой читательской аудитории.

Вне сомнения, реализуя именно эти установки, Г.А. Леманн поступает следующим образом: основной текст книги делает предельно «облегченным» – таким, чтобы все в нем было понятно и занимательно даже для школьника. Любые, даже простые и широкоизвестные античные термины и реалии обязательно разъясняются; все цитаты даются не в оригинале, а только в немецком переводе; главные идеи, выдвигаемые автором, высказываются в основном чисто декларативно и в достаточно общих чертах. Что же касается аргументации, нюансировки и т.п., то эти необходимые элементы исследования вынесены в обширный аппарат концевых сносок (с. 257–340), в который читатель-неспециалист может ведь и вовсе не заглядывать; ну, а для специалиста, напротив, как раз эта часть работы, пожалуй, представляет наибольший интерес¹.

Писать в подобной манере приходится ныне западным антиковедам не столько по собственному побуждению (мы знаем Г.А. Леманна как серьезного исследователя, прекрасно умеющего работать и в собственно монографическом ключе²), сколько, скорее всего, под влиянием требований издательств, которые хотят, чтобы книги лучше продавались³. Более того, подозреваем, что аналогич-

¹ Там же, в концевых сносках, содержится и полемика автора с предшественниками. Особенно часто он спорит с Вольфгангом Виллем, не столь давно опубликовавшим весьма интересные, сознательно-дискуссионные работы о Перикле (Will 1995; 2003), с содержанием которых нам уже приходилось знакомить отечественного читателя (Суриков 2005; 2006а; 2008а, 261 слл.). Переключка между двумя учеными несомненна. Так, последняя глава книги Вилля «Перикл» озаглавлена «Was bleibt» («Что остается»). Точно так же, только со знаком вопроса («Was bleibt?») назвал свою последнюю главу и Леманн. При этом необходимо отметить, что последний буквально по всем вопросам стоит на куда более традиционных, устоявшихся в науке позициях, чем «еретик» Вилль, подвергая многие его взгляды достаточно резкой критике.

² См. прежде всего: Lehmann 1997.

³ Ср. едкое замечание П. Родса о том, что ныне перед учеными ставят задачу «писать для Винни-Пуха» (Rhodes 2003, 57). Всем известно, что было у Винни-Пуха в голове вместо мозгов. К оценке обозначенной тенденции см. также: Суриков 2008б.